

Сергей Изуграфов
Пропавший алхимик

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

**Пропавший алхимик. Детективная
серия «Смерть на Кикладах»**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Пропавший алхимик. Детективная серия «Смерть на Кикладах» /
С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746207-9

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос, где покупает виллу и виноградник. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик...

ISBN 978-5-44-746207-9

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Часть вторая	17
Часть третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пропавший алхимик

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4474-6207-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иди путем истины, прислушивайся к советам Philosophers, писавших об этой тайне, но не воспринимай слова их буквально, поскольку не будет тебе от этого никакой пользы, а верь только тому, что согласуется с Природой.
Николас Фламель, «Завещание», год 1414 от Рождества Христова.

Пролог

Музыка свадебного шествия всегда напоминает мне
военный марш перед битвой.

Генрих Гейне

На вилле «Афродита» царил праздничный переполох.

Все мылось и чистилось, обновлялось и приводилось в порядок. То и дело раздавался веселый женский смех, быстрый топот ног по коридорам, громкое звяканье посуды и приборов, тонкий, мелодичный звон бокалов.

Было слышно, как хозяйка виллы Ирины, полностью оправившись от событий последних дней, энергично руководит персоналом, не давая ему ни минуты для безделья.

Старый садовник Христос, одетый в свой неизменный выгоревший на солнце джинсовый комбинезон, носил цветы охапками из своего сада, передавая их разрумянившимся веселым горничным, старательно расставлявшим их в вазы по всей вилле: на ступенях, на галерее, на обеих террасах и особенно пышные красивые букеты – на столах в ресторане, где готовился праздничный стол.

То и дело к вилле подъезжали машины, высаживая новых и новых людей, – это прибывали первые гости. На вилле «Афродита» готовились отметить свадьбу молодого хозяина Димитроса и его прелестной Марии.

Катерина – администратор и старшая горничная в одном лице – с ног сбилась, стараясь разместить гостей на отдых перед праздником в освободившихся номерах.

Многие из прибывающих оказались близкими или дальними родственниками, шумно и радостно узнавали друг друга еще на ресепшн, обнимались, хлопали по спинам и, не желая расставаться, шли веселой компанией в один номер, где – в тесноте, да не в обиде! – и приводили себя в порядок, отдыхая за разговорами и звоном винных бокалов до того момента, когда их пригласят за праздничный стол.

– Босс, я с ними скоро с ума сойду! – плачущим голосом сказала Катерина, проводив глазами очередную компанию прибывших гостей человек в пятнадцать родственников, что веселой гурьбой, а кто-то уже и приплясывая, и напевая от полноты чувств, направились в номер, рассчитанный на четверых. – Они мне весь порядок расселения нарушили, я уже понятия не имею, кто и в каком номере поселился!

Человек, к которому она обратилась с такой необычной жалобой – подтянутый мужчина, на вид лет сорока пяти, ростом выше среднего, с худым и волевым лицом, которое совсем не портил тонкий белый шрам на левом виске, только вошел на небольшую площадку, где располагалась стойка администратора. Выслушав девушку, он широко улыбнулся и ответил ей тоже по-русски.

– Катя, во-первых, я уже сложил с себя обязанности управляющего виллой в тот же день, как Димитрос вернулся из полицейского участка, следовательно, я тебе уже не босс. Во-вторых, – помедлив, выбирая, взял он из вазы на стойке зеленое яблоко и внимательно осмотрел его со всех сторон. – Сегодня великий день, которого мы все так долго ждали. Думаю, что можно закрыть глаза на небольшое нарушение порядка расселения. Да и надолго гости не задержатся, завтра к вечеру ты снова вздохнешь спокойно, – он весело подмигнул девушке, вгрызся зубами в нежную, сочную мякоть яблока и замычал от наслаждения.

– Нет уж, босс, – возразила Катерина. – Димитрос снова отсутствует, у него возникли дела. Он сказал, что поехал забирать старика Спанидиса, чтобы привезти его сегодня на праздничный ужин во что бы то ни стало. Спанидис как самый старший гость и его крестный будет посаженным отцом. А только потом он привезет Марию. Так что, часа два, а то и три, его еще

не будет, и корабль снова без капитана! А завтра до вечера я с ума сойду, если мне не выделят кого-нибудь в помощь: мне и от стойки не отойти, и в номерах надо посмотреть, что там и как, и на ужине помочь, да и потанцевать бы!

Алекс Смолев весело рассмеялся. Без Костаса Катерине точно не справиться. Кстати, прекрасная идея, подумал он. Вот пусть вдвоем и займутся делом.

– Катерина, зови Костаса, и дело с концом! Свадьба ваша не за горами, пусть тренируется, – скомандовал он старшей горничной.

– Ой, правда можно? – обрадовалась та. – А то он стесняется, говорит, что матушка Ирини его гоняет. Ну, он, конечно, бывает шумноват... Такой балбес! И как я собралась за него замуж?

– Очень удачно собралась, – улыбнулся Алекс. – Костас – отличный парень, добрый, надежный и толковый. Зови. Под мою ответственность.

Катерина, не откладывая, набрала телефон жениха и сообщила ему решение Алекса. В ответ в трубке раздался такой дикий рев радости, что она покраснела и поспешила поскорее нажать кнопку сброса.

Алекс снова весело рассмеялся, помахал на прощание рукой смущенной горничной и, продолжая хрустеть сочным яблоком, отправился в своей номер немного отдохнуть перед праздничным ужином.

Приняв душ, надев легкий халат и попутно захватив с собой пришедшую на его имя корреспонденцию, он вышел на балкон своего номера, откуда открывался потрясающий вид на живописную бухту Хоры.

Дневная жара уже спала, свежий ветер с моря – отличительная черта Наксоса – приятно охлаждал и освежал кожу.

Алекс распечатывал конверты и быстро просматривая содержание писем, откладывал их в сторону, прижимая к столу тяжелой стеклянной пепельницей, чтобы ветер не подхватил белые листки и не разметал их по воздуху. Сам он уже лет пятнадцать не курил, но попросил пепельницу, чтобы использовать ее как пресс-папье. В конвертах, в основном, были предложения и буклеты от местных виноделов, с которыми он вступил в ознакомительную переписку по предложению Димитроса.

Островитяне не особо жаловали электронную почту, а кто-то из них и вовсе никогда о ней не слышал. Работая десятилетиями на земле, они были поборниками старых традиций во всем и замечательные достижения прогресса в сфере коммуникаций были для них словно песок, летящий по ветру. Сегодня одно выдумают, завтра другое, – рассуждали они, – такая суеда не для нас. Вино не терпит суеты. Чем плохи старые добрые письма в конвертах?

И здесь Смолев был вполне с ними согласен. Поэтому он и сам планомерно и не спеша исследовал остров, его возможности и виноградники. Идея приобрести собственный виноградник и самому заняться виноделием не отпускала его по-прежнему.

Среди десятка писем от виноделов он обнаружил и отложил в сторону плотный конверт с мадридским штемпелем, на котором в разделе «отправитель» значилось: «Благотворительный Фонд Карлоса и Долорес Мойя, Мадрид».

Видимо, там были документы, о которых писал ему покойный синьор Мойя в прощальном письме, прося его стать полномочным представителем своего Благотворительного Фонда на острове.

Смолев дал себе обещание, что безусловно выполнит волю покойного, но с документами, которые надо читать внимательно, он ознакомится завтра, после праздника.

Складывая просмотренные письма обратно, в стопку, он заметил небольшой узкий конверт, на который раньше не обратил внимания.

На конверте значилось: «Милостивому государю, господину Смолеву А. В., Наксос, вилла „Афродита“, номер одиннадцатый».

Что это еще за шутки, подумал Алекс. Катерина развлекается?

Присмотревшись повнимательнее к почерку на конверте, он покачал головой. Почерк был крупный, уверенный, размашистый и писали металлическим пером, судя по характерному нажиму и прописи букв. Еще и завитки, петли и хвостики для украшения.

Он с нетерпением вскрыл конверт.

«Милостивейший государь Александр Владимирович!

Соблаговолите принять искренние заверения в глубоком уважении и сердечную благодарность за Вашу бесценную помощь, что Вы оказали при разрешении известной Вам проблемы.

Проявленный Вами талант наблюдательности и врожденный такт позволили разрешиться делу как нельзя лучше.

Мы рады, что сможем насладиться оставшимся месяцем на вилле «Афродита», зная, что наше пребывание на этом чудесном острове ничто более не омрачит. Впрочем, все в руках Создателя.

Мы были бы счастливы встретиться с Вами и побеседовать в удобное для Вас время по крайне важному для нас вопросу.

Ваш покорный слуга

Николай Францевич Ф. и его супруга Перренель.

Писано 15 августа 200... года, два часа пятнадцать минут пополудни»

Алекс перечитал странное письмо дважды и задумался.

Судя по стилю, писал действительно Николай Францевич, его сосед по вилле. Блестящее владение русским языком, которое обнаружил господин Файер во время их последней беседы, зацепило Смолева как лингвиста. На таком чистом и правильном русском языке не говорят в России уже лет сто. А теперь это письмо с оборотами речи, которых давно не встретишь в современной переписке. «Соблаговолите», «милостивейший государь», «нумер», «писано», «пополудни», – что это? Шутка? Архаизм на архаизме. Да нет, пожалуй, не шутка, подумал Алекс, потирая указательным пальцем тонкий шрам на левом виске.

Это была еще одна загадка, которую ему очень хотелось отгадать. Загадочная пара стариков, которых покойный владелец виллы Георгиос называл «наш талисман». Почти десять лет назад, как рассказал Смолеву Димитрос, они ступили на порог виллы «Афродита» и, оплатив к огромной радости хозяина свое проживание за десять лет вперед, поселились в самой скромной комнате отеля.

Георгиос, надо отдать ему должное, честно предлагал удивительным гостям более просторные помещения, но те отказались наотрез. «Мы хотели бы получить эту комнату, если вы не против. Она вдали от других постояльцев – и мы никого не будем беспокоить», – сказал тогда загадочный гость на прекрасном греческом языке, а его супруга кивнула в подтверждение его слов.

Ходили они всегда и всюду вместе, крепко держась за руки. Хоть и владели многими языками, опять же со слов Димитроса, но общительными их назвать было нельзя. Старики практически не болели, одевались и питались очень скромно. Их пребывание в отеле было почти незаметным и обходилось отелю очень дешево. По всем статьям, покойный Георгиос заключил выгодную сделку. В деньгах они тоже не нуждались, более того, на те несколько дней, что счета семьи Аманатидис были заблокированы нотариусом Галифианакисом с помощью подложного завещания, и Ирины не могла содержать виллу, они добровольно взяли на себя полностью все расходы и несли их без каких-либо гарантий, что потраченные деньги к ним вернутся.

По всему – это были удивительные люди, и Смолеву было совершенно ясно, что их присутствие на вилле «Афродита» связано с какой-то тайной, но раскрытие ее он все время откладывал на потом, да и были дела поважнее!

Теперь, когда все уладилось, полиция сняла все свои претензии к молодому Димитросу Аманатидису. Более того, сам инспектор уголовной полиции Теодорос Антонидис, неловко обтирая потное лицо белым платком, принес с покаянным видом извинения от лица полиции острова и от себя лично хозяйке виллы Ирини и ее сыну. Он долго и сбивчиво извинялся в присутствии Алекса, и добрая хозяйка, от души его простив, вынесла ему в знак примирения огромный запотевший бокал холодного пива, а Алексу и Димитросу – белого вина, и вскоре примирение органов правопорядка и народа было полностью достигнуто к обоюдной радости.

Можно было переключить свое внимание на разгадывание новой тайны – и тут, так удачно, приглашение на беседу. Смолев решил, что после праздника обязательно напишет ответ.

В этот момент зазвонил телефон, Алекс подошел к письменному столу и снял трубку.

– Алло, босс! – раздался в трубке бодрый голос Катерины на фоне веселой музыки, смеха и разговоров гостей. – Димитрос вернулся, все готово, столы накрыты. Ирини просит всех собираться на большой террасе. Молодожены будут там с минуты на минуту.

– Спасибо, Катя, бегу, – ответил Алекс. – Что Костас, пришел к тебе на помощь?

– Да он через три минуты был уже здесь, – рассмеялась она. – Бегаешь по вилле, гостей собираешь. Матушка Ирини не против.

– Ну и отлично, – сказал Алекс. – Я буду на террасе через пять минут.

Положив трубку, он быстро собрался, вышел из номера на галерею и присоединился к толпе гостей, что двигалась в сторону верхней террасы, где были накрыты праздничные столы.

Часть первая

Боже мой, всегда случается что-то неожиданное. Я хочу сказать, стоит немного расслабиться, как Господь дает тебе пинка!

Рэй Брэдбери

Алекс первый раз был на настоящей греческой свадьбе, не знал традиций и обрядов, но быстро понял, что у греков и русских здесь очень много общего.

Широта души грека на свадьбе разворачивается во всей красе, не забывая про древние традиции и ритуалы с самого первого момента.

Даже семьи с самым скромным достатком не жалеют ничего, демонстрируя неслыханную щедрость: греческая свадьба подразумевает дарение подарков абсолютно всем гостям, которые придут на свадебное торжество.

Свадьба гуляется как минимум три дня, застолья длятся всю ночь, сопровождаемые песнями и плясками.

У входа на террасу стояли молодые девушки в национальных костюмах, с улыбками и поклонами вручая дорогим гостям маленькие свертки из белого фатина со сладостями, засахаренным миндалем и конфетами. Именно с таким сверточком, «на счастье», гость должен покинуть торжество.

Гости все прибывали и прибывали.

По периметру большой террасы стояли столы, ломившиеся от угощения. Юноши-виночерпии, высокие, стройные красавцы, в красочных национальных костюмах – традиция острова – ходили с кувшинами и щедро наливали вино в бокалы гостям.

Алекс увидел в толпе гостей и постояльцев виллы английскую пару – Джеймса и Лили Бэрроу. Они смотрели на него с улыбкой, а Лили махала ему рукой.

Смолев подхватил свой бокал и подошел к англичанам.

– Алекс, дорогой, здравствуйте, – весело сказала ему Лили. – Мы так рады, что нас тоже пригласили на этот чудесный праздник! Это восхитительно, вы не находите? Посмотрите, посмотрите, какие прекрасные костюмы, а цвета, какие сочные и яркие, особенно синий и красный! Какие девушки красивые! А юноши, юноши... Я начинаю всерьез опасаться за наш брак! А вам вручили подарок? Это просто чудесно, у меня нет слов. Вы знаете, английские свадьбы гораздо более чопорные и мрачные, и никто не празднует сутки напролет. У нас, увы, все гораздо более тоскливо.

– Здравствуйте, Лили! Праздник действительно чудесный, – поддержал Алекс жену молодого археолога. – Вы с Джеймсом всегда можете повторить свою свадьбу на греческом острове, пусть это станет для вас памятью на всю жизнь. Думаю, что ваш супруг будет только рад. Добрый день, Джеймс! Я смотрю, вы оценили греческую кухню по достоинству?

Джеймс в этот момент заглатывал с очередной деревянной шпажки запеченную на гриле баранину. Он не смог ответить Алексу, поскольку с большой скоростью двигал челюстями, – только воздел руки вверх, при этом и лицом, и всем своим видом демонстрируя неземное блаженство.

– Алекс, хоть вы скажите ему, может он вас послушает, – рассмеялась Лили. – Как только мы прибыли на греческий остров, с моим мужем произошла необъяснимая перемена! Он все время ест, с ним нет никакого слладу. Он так растолстеет – и мне придется его бросить! – она шутливо ткнула мужа локтем в бок.

Но тот не отреагировал, он был в лучшем из миров.

– Я могу его понять, – тоже рассмеялся Алекс. – Видимо, после английской кухни, греческая показалась ему более привлекательной. Давайте выпьем, Лили, за счастье молодых! – предложил он и поднял бокал с домашним белым вином.

– С удовольствием, за счастье молодых! – радостно поддержала его тост англичанка.

– Одну минуту, я с вами... – произнес Джеймс, наконец-то выйдя из нирваны. – Только скажите мне, Алекс, ради всего святого, что я только что съел? Это было просто божественно!

– По всей очевидности, сувлаки, Джеймс. Как, вы никогда их раньше не пробовали? Сувлаки – это мясо, приготовленное на гриле, на деревянных шпажках. Баранина или свинина. Но я знаю, что Ирины заказывала именно свежую молодую баранину из деревни. Между прочим, здесь, на острове – лучшая баранина и ягнятина во всей Греции. В пасхальную неделю, как я успел узнать, за барашками с Наксоса выстраивается целая очередь покупателей с материка.

– Ого! – воскликнула Лили. – Ты знал об этом Джеймс? Впрочем, мы еще ни разу не застали Пасху на острове. Говорят, это тоже очень большой и красочный праздник!

– Зачем ждать Пасху, когда можно попробовать это прямо сейчас? – резонно заметил Джеймс Бэрроу, озирая стол голодным взглядом.

– Судя по количеству пустых шпажек, – со смехом он указал на тарелку, где они лежали горкой. – Вам сувлаки пришлось по вкусу!

– Алекс, это божественно, уверяю вас! – повторил археолог. – Особенно вот с этим белым соусом... Там, кажется, сметана или йогурт, огурцы, чеснок, травы. С ума можно сойти! Какая гамма вкуса! В жизни не ел ничего подобного. А аромат, какой аромат! Кажется, они это называют тцатцики. Не выговорить, но это просто кулинарный шедевр!

– Я смотрю, Джеймс, по крайней мере, в кулинарном вопросе вас сложно назвать консерватором. Где ваш хваленый британский патриотизм? Как быстро вы забыли про английскую кухню! – продолжал веселиться Смолев.

– Не произносите при мне это гнусное словосочетание, Алекс, дорогой мой! Это просто алогизм! – протестуя мотнул головой Джеймс. – Именно английской кухне я был обязан гастритом в двадцать лет, вы не представляете, как все на нашем острове сейчас стало печально с этим. Бал правит или фастфуд, или ливанско-алжирская кухня, пиццерии, пиццерии, вокруг одни пиццерии. Японские рестораны, китайские рестораны, корейские рестораны. Ничего есть невозможно. Приличный стейк, пожалуй, только и попробуешь на побережье канала. Что ожидать от страны, где традиционным деликатесом считается «фиш-энд-чипс»¹ или плохо прожаренный ростбиф? А пирог с почками – это же ужас всего моего детства! Англичане ничего не понимают в еде! Я на всю жизнь запомнил эти серые котлеты с серыми макаронами. Б-р-р-р-р! А венец и символ британской кухни – йоркширский пудинг? Вы его видели, помните, какого он цвета? – Джеймс искренне содрогнулся. – Можете смело назвать меня яростным «леваком», только подскажите, что это так призывно смотрит на меня во-он из той тарелки? Какие краски, какой аромат!

– Ну что ты с ним будешь делать, – в притворном негодовании всплеснула руками Лили. – Дорогой, побереги свой желудок!

– Это классическая греческая мусака – запеканка, – приглядевшись, прокомментировал Смолев с улыбкой. – Судя по всему, там ягнятина, картофель, баклажаны, все под соусом бешамель. Что же еще? Перец, томаты, лук, зелень, специи, сверху сыр. Запекается в печи, отсюда и сырная корочка, и такой аромат! Это классика греческой кухни. Вы что, никогда ее не пробовали?

– Бог мой, откуда вы все это знаете, счастливчик! – простонал Джеймс, не обращая внимания на жену. – Впрочем, неважно! Вы меня уговорили с полуслова, Алекс! – Он схватил чистую тарелку и начал накладывать себе все еще дымящуюся запеканку.

– Милый, не жадничай, – предостерегла мужа Лили. – Иначе как же мы будем танцевать с тобой традиционные греческие танцы? Я так хочу научиться танцевать сиртаки.

– Вы танцуете сиртаки, Алекс? – обратилась она к Смолеву, тоже положившему на свою тарелку пару деревянных шпажек с сувлаки.

– Увы, увы, Лили, я в Греции всего неделю и пока еще не научился. Так что учиться будем вместе.

– Отлично! – захлопала в ладоши англичанка.

– Кстати, а вы знаете, что сиртаки – вовсе никакой не традиционный греческий танец? – поинтересовался Алекс, в свою очередь откусывая кусочек сувлаки, предварительно обмакнув его в соус.

– Как так? – Джеймс даже перестал жевать на мгновение. – Во всех путеводителях...

– Знаю, знаю! – рассмеялся Алекс. – Это очень забавная история. Когда снимался фильм «Грек Зорба», а это было в начале шестидесятых годов, то в конце фильма была сцена, где главный герой учит другого танцевать. Так вот, это сцена снималась последней, а актер – великий Энтони Куин, американец, кстати, который и играл главного персонажа, Алексиса Зорбу, незадолго до этого сломал ногу. Со сломанной ногой он не мог выделять прыжки и пируэты, что требовал от него хореограф, и он, просто-напросто, придумал под музыку, что была написана к этой сцене, собственный танец с медленными па и подволакивающим движением ноги.

– Но откуда тогда взялось название? – продолжал недоумевать археолог. – Ведь оно не появилось бы на пустом месте!

¹ «жареная рыба с картофелем», традиционное английское блюдо – англ. (прим. автора)

– И название придумал он же, Куин, заморочив голову режиссеру. Сиртаки – это уменьшительная форма от «сиртос», настоящих критских народных танцев. До Энтони Куина этого танца не существовало в природе.

– Не может быть, что вы говорите, Алекс? – расстроилась Лили. – То есть, его не танцевали древние греки?

– Древние точно не танцевали, хотя в нем и есть несколько движений, заимствованных из народных танцев. Но с тех пор, только подумайте, как велика сила кино – вся Греция танцует сиртаки! Теперь сиртаки – символ греческого народного искусства вот уже больше пятидесяти лет. Так что, не расстраивайтесь, дорогая Лили, – утешил он англичанку. – Танец, хоть и молод, но прекрасен!

– Слушайте, слушайте, – вдруг проговорила Лили, схватив мужа за локоть. – Вы слышите, там что-то происходит!

Алекс и сам уже слышал, как на улице завывали автомобильные сирены, раздались громкие крики, и хлопнули выстрелы, потом еще и еще.

Встревоженный Смолев оставил недоумевающих англичан и быстро сбежал по лестнице вниз, к стойке администратора. Там он увидел Костаса и Катерину, с цветами в руках и счастливыми улыбками на улицах.

– Что случилось? – быстро спросил он у них. – Кто стрелял?

– Молодожены прибыли домой! – удивленная его беспокойством, ответила Катерина. – Босс, вы вообще помните, что у нас сегодня свадьба? Ах да, вы же не знаете местных традиций! Муж на руках должен внести молодую жену в дом. Все их приветствуют и поздравляют! Отсюда и пальба! Не переживайте, стреляют в воздух холостыми. А вот и они!

– У-р-р-ра! Счастья молодым! – закричали они с Костасом и дружно захлопали в ладоши.

По лестнице вниз сбегали гости, навстречу молодоженам.

Профессиональная деформация сознания, с облегчением подумал Алекс, массируя не вовремя разболевшийся висок. Как глубоко это во мне засело: стреляют, значит – война... А это местный обычай такой. Как на кавказских свадьбах. Палят в божий свет, как в копеечку, на счастье, отгоняют злых духов. Традиция, понимаешь, такая у них! Черти...

Смолев перевел дух и постарался успокоиться.

Вверх по лестнице поднимался Димитрос, неся на руках свою молодую жену в длинном белом платье, расшитом золотыми лентами, похожем на древнегреческую тунику.

Дойдя до площадки у стойки ресепшн и увидев Алекса, он остановился со счастливой улыбкой, но жену так и держал на руках, крепко, словно боялся отпустить.

Катерина и Костас расцеловали их обоих и засыпали рисом – на счастье, удачу и благополучие.

– Поздравляю вас, ребята! – растроганно произнес Смолев и вручил букет красавице Марии.

– Спасибо большое, Алекс! – серьезно ответил Димитрос. – Спасибо за все! – потом повернулся к гостям и сказал уже громче. – Пойдемте все праздновать! Все наверх! – и продолжил движение вверх по лестнице в сторону большой террасы с молодой женой на руках.

Их встречали аплодисментами гости, столпившиеся на лестнице, забрасывая цветами, лепестками роз и рисом.

На верхней площадке молодых ждали Ирины и крестный отец Димитроса – Иоаннис Спанидис, держа в руках пышный свадебный каравай – превенту.

Приветственные крики только усилились, когда пара молодых подошла под благословение матери жениха и его крестного. Началась длинная программа праздника, рассчитанная на всю ночь, до самого утра.

На улице продолжали сигналить машины, время от времени раздавались хлопки выстрелов, сопровождаемые радостными криками.

Смолев уже успокоился, хоть и еще и нервно крутил головой в ответ на особенно оглушительные залпы.

Нервы у тебя ни к черту, подумал он.

– И долго они будут палить? – поинтересовался Алекс у Костаса по-английски.

– Когда как, – весело ответил он. – Улица же тоже гуляет: матушка Ирины распорядилась накрыть там столы, вынести вино и закуски, чтобы любой прохожий мог выпить за здоровье Димитроса и Марии Аманатидис! Иногда всю ночь палят, греки любят шумно погулять!

– Да уж, – невесело хмыкнул Алекс. – Я заметил. Ну, а какие ваши планы? – обратился он к парочке будущих молодоженов.

– Мы подождем пару часиков, потом закроем ворота, вдруг кто-то из гостей еще не приехал, – ответила Катерина за двоих.

Костас лишь улыбался и энергично кивал.

– Проверим номера, все везде закроем и тоже подойдем на праздник, как раз торжественная часть пройдет – и начнутся танцы. Алекс, вы идите скорее на террасу, Димитрос с Марией очень расстроятся, если вас там не увидят.

Алекс понял, что Катерина права, и вернулся на террасу, где его встретили приветственными криками – матушка Ирины уже успела рассказать родне, что именно сделал для ее семьи этот русский гость.

Смолева немедленно усадили на почетное место, – и многие гости подошли к нему в течение вечера, чтобы выразить свою благодарность за помощь своей родственнице и ее сыну.

Каждый подходил с бокалом вина и не выпить хоть глоток – значило бы обидеть человека. Смолев это прекрасно понимал и допустить никак не мог, поэтому призывал на помощь всю свою профессиональную подготовку и опыт застолий: выбрал высокий, но самый узкий фужер, незаметно отливал вино из него в соседний бокал на столе, разбавлял водой, менял бокалы, пил небольшими глотками, старался закусывать. Поэтому, несмотря на нескончаемый поток родственников и бесконечные тосты, продержался три часа вполне достойно, хотя некоторые гости успели уже основательно нагрузиться.

Когда на его плечо легла в очередной раз чья-то рука, он вздохнул про себя, снова взял бокал с вином и повернулся.

На него заплаканными глазами смотрела чем-то сильно расстроенная Катерина.

– Катя? – удивился он. – А что случилось? Почему ты одна? Где Костас? Почему глаза на мокром месте?

– Алекс, извините, что я к вам... Ну, а к кому еще... – сбивчиво произнесла горничная. – Но Костас ушел и не возвращается уже полчаса... А я туда одна боюсь идти. Глупо, правда?

– Куда ушел? – все еще непонимающе смотрел на нее Смолев, поставив – и слава богу! – бокал обратно на стол.

– Ну, проверить номера, все ли в порядке. Он обычно за пять минут все обегает, а тут его уже полчаса нет, я звоню – он телефон не берет... А одна туда идти я боюсь. У меня почему-то плохое предчувствие, Алекс! – всхлипнула девушка.

– Так, ну что еще за глупости, – решительно поднялся из-за стола Смолев. – Пойдем, я сам все проверю. Уверяю тебя, тебе нечего бояться, – он успокаивающе обнял девушку за плечи и они незаметно покинули террасу.

– Куда именно он пошел? – уточнил Смолев у горничной, когда они спустились по лестнице к стойке ресепшн.

– Проверить и закрыть номера, на всякий случай, там же вещи люди сложили. У нас на острове воровство нечасто, но случается, – вздохнула Катерина. Казалось, она немного успокоилась.

– Хорошо, пошли. И ничего не бойся.

Они прошли от стойки администратора на галерею, на которой были расположены все номера для постояльцев, начали с первого номера, двигаясь постепенно к одиннадцатому.

Галерея шла по кругу: с одной стороны номера были с первого по восьмой, потом надо было спуститься по лестнице, снова подняться – и еще три номера, с девятого по одиннадцатый, находились на другой стороне галереи.

В первом номере жили Димитрос с Марией, во втором и третьем – гости, приехавшие на свадьбу, в четвертом – пожилая греческая пара с материка; пятый, шестой и седьмой были также выделены под гостей. В восьмом уже десять лет квартировала чета Файер. Здесь галерея заканчивалась тупиком.

Под восьмым номером располагалась нижняя терраса с так полюбившимся Алексу виноградом. Чуть дальше были домик старого садовника Христоса и хозяйственные постройки.

Смолев и Катерина шли, проверяя, закрыты ли двери номеров. Если дверь была не заперта, они стучали и заходили. Убедившись, что все в порядке и Костаса в номере нет – выключали свет, запирали номер и шли дальше. Катерина, осмелев, чуть задержалась в шестом номере, выключая воду, что оставили течь забывчивые гости.

Алекс почувствовал неладное, когда подходил к концу галереи.

Увидев издали знакомую фигуру, неподвижно лежащую плашмя на полу в тупике у восьмого номера, Алекс в два прыжка оказался рядом и перевернул лежащего лицом к свету. Это был Костас. На его бледном, как мел, ни единой кровинки, лице застыло удивленное выражение. На белой футболке расплылось огромное кровавое пятно.

Подбежавшая Катерина зажала обеими руками рот и, воя от ужаса, тихо сползла рядом по стене.

Алекс быстро разорвал футболку и осмотрел рану. Огнестрельная. В грудь справа. Кровоточит. Он достал из кармана чистый платок и прижал к ране, лихорадочно соображая. Выходного отверстия нет, значит, не сквозная. Наверняка, задето легкое. Необходимо немедленно оперировать.

В этот момент, видимо, от прикосновения к ране, Костас громко застонал. На его стон очнулась Катерина, подскочила и, причитая, упала на колени рядом с раненым.

– Катя, да живой он, живой. Слышишь меня? Катя? Катерина, смотри на меня, на меня смотри! – жестко скомандовал он, когда понял, что она его не слышит. – Значит так, быстро! Лети на ресепшн, неси сюда полиэтиленовый пакет, широкий скотч, я видел там упаковку. Аптечку неси, что у тебя лежит за стойкой. У нас каждая минута на счету. Поняла? Принесешь, дальше скажу, что делать! Чего сидишь?! Бегом! – рявкнул он по-армейски, от души, видя, что девушка никак не может оторваться от Костаса, судорожно вцепившись в его руку.

Горничная вскочила от его крика, как ошпаренная и, путаясь в собственных ногах и рыдая во весь голос, понеслась к стойке администратора.

Теперь все зависит от того, как быстро они смогут доставить его в больницу.

Смолев, сильно прижимая платок к ране одной рукой, другой набрал номер Виктора Манна и кратко обрисовал обстановку.

– Понял, – немедленно отозвался он. – Я свяжусь с госпиталем, через пять минут у виллы будут парамедики, звонить будут на твой номер. Парня сам не трогай с места. Постарайся остановить кровотечение, перекрыть доступ воздуха в легкое через рану. Остальное они все сами сделают, там у них в команде есть толковый бывший военврач, пулевых ранений посмотрелся достаточно. Интерпол его привлекает на спецоперации. Дам команду срочно готовить операционную. Отбой!

– Есть, понял тебя. Отбой! – ответил Смолев. С полицией будем позже разбираться, подумал он.

Подбежавшей Катерине он сунул в руки свой мобильный телефон.

– Катя, я вызвал бригаду парамедиков, они будут звонить сюда. Снимешь трубку, объяснишь, если будут вопросы. Иди ко входу и стой там. Я здесь сам разберусь, – он мягко положил руку ей на плечо и тихонько его сжал. – Все будет хорошо, девочка, вот увидишь. Мы еще на вашей свадьбе спляшем! – ласково сказал он и слегка подтолкнул ее. – Иди, встречай «скорую» и веди сюда. Я побуду с ним, ничего не бойся.

Оставшись один, Алекс порылся в аптечке и покачал головой. Не густо. Что поделать, будем использовать то, что есть.

Он совсем разорвал на Костасе футболку, пропитанную кровью, обработал края раны раствором йода из аптечки, затем положил на рану полиэтиленовый пакет, надежно приклеив его широкими лентами скотча по краям. Затем, достав из аптечки широкий бинт, плотно перемотал грудь раненому.

Закончив медицинские манипуляции, он слегка приподнял Костаса и устроил его в положение полусидя, снял свой пиджак и, свернув его, положил юноше под голову, повернув ее чуть набок. Все, больше ничего он сделать не мог.

Перебирая аптечку в поисках обезболивающего и антибиотиков, вдруг он наткнулся на тубик-шприц промедола. Повезло!

В свое время профессор Смирнов научил его пользоваться такими. Сейчас как раз тот случай! Он ввел раненому препарат и сел рядом на пол, привалившись гудящей головой к холодной и шершавой стене коридора. Теперь можно и выдохнуть.

Прошло несколько минут, прежде чем Алекс услышал топот ног и голоса подбегающих врачей на галерее.

Старший из прибывших медиков, грек, лет пятидесяти, быстро осмотрев пострадавшего, удивленно и одобрительно покивал головой и крепко пожал Алексу руку.

Алекс протянул ему использованный шприц-тубик промедола. Тот, бросив взгляд на тубик, снова одобрительно кивнул, похлопал Алекса по плечу и что-то скомандовал троим своим коллегам помоложе. Они развернули мягкие носилки и, двигаясь профессионально, быстро унесли раненого в машину.

Включив маячки и сирену, машина резко сорвалась с места и скрылась за поворотом.

Часть вторая

Пусть тот, кто любит тайные доктрины,
Ни одного намека не пропустит!

*Микаэль Майер,
«Убегающая Аталанта», 1617 г.*

Отправив «скорую» с пострадавшим, Смолев вернулся в свой номер и набрал телефон Теодороса Антонидиса – инспектора уголовной полиции острова. Быстро изложив суть вопроса и убедившись в том, что инспектор немедленно выезжает на виллу для проведения следственных действий, Алекс вернулся к стойке администратора, где сидела тихая и совершенно поникшая Катерина.

– Катя, – мягко сказал Алекс, обращаясь к горничной. – Иди домой, я тебя отпускаю. Сейчас приедет инспектор Антонидис, с ним я разберусь сам. Показания полиции ты дашь позже, они не так важны. Завтра с утра поезжай в госпиталь, я попрошу, тебя пропустят. Кстати, надо сообщить родственникам. Свяжись с его отцом, Никосом, и поезжайте вместе. Оттуда информировать меня о состоянии здоровья Костаса. Надеюсь, что завтра мы сможем с ним побеседовать.

– Алекс, – тихо спросила горничная. – Он выживет? Я ни о чем другом думать просто не могу. У меня в голове словно туман. И домой не могу идти – ноги не идут. Может мне сейчас поехать в больницу?

– Сейчас тебе там делать нечего, девочка, – отрицательно покачал головой Смолев. – Его уже оперируют. И, сама понимаешь, помочь ты ему ничем не сможешь. Там хороший хирург, бывший военный врач с большим опытом таких операций. Я не буду тебя обманывать, положение сложное. Но, во-первых, ранение мне не показалось очень тяжелым, просто он потерял много крови. Во-вторых, мы с тобой сделали все правильно и все, что было в наших силах. В-третьих, у него молодой и очень сильный организм. И к врачам он попал вовремя. Я уверен, что Костас выкарабкается. Очень надеюсь, что мы сможем завтра с ним пообщаться.

– Хорошо, Алекс. Я вам верю, – слабо улыбнулась Катерина. – Но все равно, я не пойду домой. Тут за стойкой есть комната отдыха для персонала. Я попробую подремать на кушетке, мне тут как-то спокойнее.

– Пусть так, – согласился Смолев. – Тогда сейчас иди и ложись, а я займу твое место на «мостике», – сказал он, указав на стойку ресепшн. – Я дождусь здесь инспектора Антонидиса. Все, беги. Не хочу, чтобы инспектор мучил тебя расспросами, от которых все равно не будет толку. Все, что ты видела, я и сам ему расскажу.

– Хорошо, босс! – ответила девушка. – Кстати, вот ваш мобильный.

Она положила телефон Алекса на стойку, вышла в комнату для персонала и плотно прикрыла за собой дверь.

Смолев остался один. Он сел в крутящееся кресло, у которого удобно откидывалась спинка, и задумался.

Нападение на Костаса произошло в тупике галереи у восьмого номера. Баллистическая экспертиза должна ответить на вопросы: с какого расстояния пришелся выстрел и в каком направлении стреляли. Соответственно, если повезет, то и на вопрос: где находился стрелявший в момент выстрела.

Вот инспектор обрадуется, хмыкнул Смолев. Будет ему возможность проверить в деле новое оборудование для лаборатории криминалистической экспертизы, что по просьбе Алекса подарил Интерпол уголовной полиции Наксоса.

Но уже сейчас Алексу было понятно, что стреляли в направлении от дверей восьмого номера. У дверей стоял нападавший или стрелял через открытую дверь из самого номера – в этом и придется разбираться.

Хорошо бы, подумал он, если Костас, когда придет в себя, сможет вспомнить, как все произошло. Но он мог и не заметить нападавшего, не видеть, особенно в темноте номера, его лица. И вообще не разобрать, кто стрелял: мужчина или женщина. Или Костас кого-то испугнул, кто пытался вскрыть дверь в восьмой номер, и грабитель выстрелил навскидку, не боясь, что в праздничном шуме на выстрел обратят внимание. Чего тут бояться? Вон они полночи уже палят. Или Костас толкнул дверь в номер, она оказалась не заперта, и пойманный на месте преступления грабитель выстрелил в него? И где старики Файер? На празднике он их не заметил. В номере их нет, он проверил после того, как парамедики унесли Костаса. Специально подошел и постучал. Дверь была закрыта и, кстати, совершенно никаких следов взлома. То есть, была попытка проникнуть в их номер в отсутствие хозяев, удачная или неудачная – покажет время. После чего нападавший покинул виллу.

А ты уверен, что он ее покинул, сам себе задал вопрос Алекс. Может быть, это кто-то из гостей? Все возможно. Именно в этот день, когда многочисленные гости, приехав на свадьбу молодого хозяина виллы, сбили и запутали бедной Катерине весь порядок расселения, и теперь никогда не узнать, кто в каком номере, как оказался и почему – именно в этот день злоумышленник и решил проникнуть в восьмой номер, где жили загадочные Николас и Перренель Файер, «талисман гостиницы», как называл их покойный Георгиос Аманатидис. Подобная праздничная суматоха была только на руку злоумышленнику.

Но, подумал Алекс, даже если бы его застали рядом с номером, он бы мог легко сказать, что остановился в соседнем и перепутал. Вот именно, зачем тогда вообще было стрелять? Ну, притворился бы подвыпившим, добряк Костас бы его еще и под руку отвел в любой другой номер, который бы он назвал. Стрелять-то зачем? Абсолютно не логично.

Алекс раздраженно потер указательным пальцем левой руки шрам на виске. Выпитое вино сказывалось на нем, мысли были тягучими и ленивыми.

Что побудило нападавшего все-таки выстрелить в юношу, который не представлял никакой опасности? В каком случае ведут огонь на поражение? Либо его застали за проникновением в чужое жилище, и то, что он там делал, он бы никак не смог объяснить не вызвав подозрений, – либо его напугали, и он выстрелил от неожиданности? Либо он хотел именно убить.

Нет, покачал головой Алекс, последняя версия не выдерживает никакой критики. Убить Костаса? Неунывающего студента, этого шумного и совершенно безобидного весельчака?

Сама мысль о том, что у Костаса могут быть серьезные враги, вызвала у Алекса улыбку. Караулить его в тупике галереи, чтобы дожидаться, когда он там окажется? Откуда мог знать злоумышленник, что Костас вообще там будет? Ведь это Алекс пригласил его в помощь Катерине. Под свою ответственность.

Вот она и наступила, твоя ответственность, сказал он сам себе, давай шевели уже извилинами!

Его размышления были прерваны появлением полицейского. Инспектор уголовной полиции Теодорос Антонидис поднялся по лестнице к стойке администратора. Он шумно отдувался, но спешил изо всех сил.

Поприветствовав инспектора, Смолев оперативно ввел его в курс дела. Затем, не откладывая, они отправились на галерею, в злополучный тупик у восьмого номера.

– Вот именно здесь это и произошло, инспектор. Здесь мы его нашли, – показал Алекс и, взяв у полицейского мелок, по памяти обозначил контуры тела раненого. – Пуля вошла в грудь с правой стороны. Он лежал ничком, лицом вниз. Было обильное кровотечение. Вот, видите, пятно.

Инспектор Антонидис возбужденно кивал и безостановочно щелкал затвором фотоаппарата. Цифровой Canon 60D был среди подарков, лично добавленных Виктором Манном в набор оборудования для островной полиции. Инспектор был на седьмом небе от счастья.

Затем они подошли к двери номера восемь, и Смолев постучал несколько раз. Никто не отозвался. Тогда он достал хозяйский ключ и отпер дверь.

Первое, что бросилось в глаза Алексу – крайне скромная, даже скудная обстановка. Они стояли с инспектором посередине комнаты и удивленно рассматривали грубый деревянный стол, на котором под вышитыми салфетками стояло несколько глиняных мисок и глиняных же кружек. Два низеньких табурета у стола, деревянная конторка в углу, из тех, на которых пишут стоя, вернее, писали, поправил себя Алекс. Очень давно. Две узких, неудобных кровати вдоль стен, небольшой платяной шкаф, – и, собственно, все. Ах, да, еще голые беленые стены.

Это какая-то келья, подумал Алекс, это не жилая комната в отеле. Этого не может быть. Сама комната была размером не более шестнадцати метров. И здесь они прожили десять лет? Это не укладывалось у Смолева в голове. Ради чего? Зачем? Это же тюрьма!

– Обратите внимание, господин Смолев, – произнес инспектор, указав на платяной шкаф: одна его дверца была почти сорвана с петель. Заглянув в него, они обнаружили старые вещи, аккуратно уложенные на полках, кроме одной, посередине. Было видно, что вещи разворошили, словно что-то искали.

– Здесь на полке что-то рассыпано. Какие-то металлические крупы. И вот еще, посмотрите, на полу. – Инспектор присел на корточки, достал из кармана кисточку и аккуратно смел в бумажный пакетик для вещественных доказательств небольшую горку желто-бурого металла.

– Что это? – протянул он пакетик Смолеву. – Похоже на золото?

– Это было бы крайне невероятно. Впрочем, я уже ничему не удивлюсь. Вы сможете определить в лаборатории, что это за металл?

– Да, – подтвердил инспектор. – Наш эксперт сможет это сделать. Теперь у нас есть для этого все необходимое.

Они вышли из восьмого номера и закрыли его на ключ.

– Вы думаете, жильцы этой комнаты появятся? – спросил инспектор Антонидис. – Мне бы очень хотелось задать им несколько вопросов.

Боюсь, они сразу бы «оглохли», подумал Смолев. Вряд ли они захотели бы беседовать с инспектором, которому дали в свое время столь нелестную оценку.

– Думаю, что нет. Вы обратили внимание, инспектор, что комната абсолютно пуста? Я даже не про вещи. Вы заметили, что в комнате нет ни одного листа бумаги, ни одной книги? А на конторке нет перьев и чернильницы.

– Чего нет? – услышал незнакомое английское слово инспектор.

– Перьев, металлических перьев, которыми пишут, обмакивая их в чернила, – улыбнувшись, объяснил Алекс. – Именно таким способом писали письма до изобретения шариковой ручки. Мои дедушка и бабушка переписывались таким образом.

– И вы хотите сказать...

– Да, дорогой инспектор, я хочу сказать, что именно таким образом писали письма жильцы комнаты номер восемь. И если на конторке, которой пользовались ежедневно – а вы, конечно, обратили внимание, как зеркально отполирована ее поверхность там, где на нее ложился правый рукав пишущего, и как заляпана воском левая часть верхней полки, где, очевидно, многие годы стоял подсвечник с круглым основанием...

– Но там же не было подсвечника! Я все сфотографировал! – гордо заявил инспектор Антонидис.

– В том то и дело, дорогой инспектор. Ни подсвечника, ни перьев, ни чернильницы. Ни книг, ни записей, ни единого листа бумаги. На какую мысль это вас наводит?

– Ах, вот вы о чем! – наконец догадался инспектор, достал большой белый платок и вытер им лицо и шею. – Похоже, что ждать жильцов бессмысленно, вы правы, они не вернуться.

Ну слава богу, подумал Алекс, дошло. Что ж, могло быть и хуже.

На верхней террасе, по-прежнему, шумел веселый праздник. Знакомая мелодия сиртаки перекрывала голоса и смех собравшихся.

Вот и танцы начались, подумал Алекс, наверно Лили и Джеймс удивляются, куда подевался их русский друг.

– Мы с вами оказались в крайне щекотливой ситуации, дорогой инспектор, – заметил Смолев. – Там, наверху – идет свадьба молодого Аманатидиса. Гостей более ста человек. Я допускаю, что преступник, возможно, скрылся среди гостей. А, возможно, просто воспользовался праздничной суматохой, чтобы проникнуть в таинственную комнату номер восемь, и давно покинул виллу. Что будем делать, инспектор?

Было видно, как бедный инспектор совершенно растерялся. Пойти наверх и нарушить празднество, да еще такое, как свадьбу – было для любого грека неслыханным кощунством. Тем более, что совсем недавно ему пришлось приносить свои извинения за тот прискорбный инцидент с задержанием Димитроса.

Инспектор тяжело вздохнул.

Нет, думал он, это просто невозможно. Это будет последний день его пребывания на острове. Все местное население его проклянет. А начальство в Афинах и пальцем о палец не ударит, чтобы его защитить.

С другой стороны, инструкция совершенно четко требовала, что все подозреваемые в совершении правонарушения должны быть немедленно задержаны органами полиции и допрошены в рамках установленной процедуры.

С несчастным видом он взглянул на Смолева. Тот, прекрасно понимая метания, которые происходят в душе инспектора, в то же время сам был охвачен сомнениями.

– Ладно, давайте поступим таким образом, – наконец решился Алекс. – Мы не будем портить свадьбу Аманатидисам. Во-первых, я сомневаюсь, что преступник среди гостей. Слишком хорошо они друг друга знают, они же все родственники. Чужака вычислили бы сразу. Потом, они никуда не денутся. Список гостей у нас есть. С любым из них мы сможем, при необходимости, побеседовать после свадьбы. Во-вторых, я думаю, что пуля, которая была выпущена в бедолагу Костаса, расскажет нам об оружии, из которого стреляли. Возможно, это ниточка. В-третьих, неожиданный спешный отъезд Николаса и Перренель Файер и тот порошок, что вы обнаружили на полке шкафа и на полу их комнаты, инспектор, требует отдельного внимания. Моя интуиция мне подсказывает, что не исключено, что все дело именно в этом порошке. Ну, и в-четвертых, я все еще специальный агент Интерпола на острове и беру ответственность за ход расследования на себя.

Все время, пока он говорил, инспектор кивал головой в такт его словам.

В-пятых, подумал Алекс, есть письмо, которое он получил накануне. И, наверняка, у Ирины Аманатидис осталась связь с загадочными стариками.

Но произнес вслух следующее:

– Инспектор, мое предложение: вы занимаетесь экспертизой порошка и пули. Затем мы встречаемся завтра, обмениваемся информацией и составляем план расследования. Вас устроит десять часов утра? Да? Ну и прекрасно!

Информация, полученная на следующий день от инспектора совершенно обескуражила Смолева. Пуля, калибром 6,35 мм, которую извлекли из раны Костаса, была от пистолета очень распространенной модели. Таких пистолетов было выпущено в свое время более четырех миллионов штук. Это был браунинг, производства Бельгии, образца тысяча девятьсот шестого года. Ни много, ни мало, сто лет назад.

Алекс знал, что существуют исторические стрелковые клубы, которые собирают старое оружие, заботливо восстанавливают его и даже проводят соревнования по стрельбе из этих раритетов после того, как эксперты убедятся, что из них можно стрелять. Но носить с собой пистолет, которой был, возможно, выпущен в начале двадцатого века в качестве средства самозащиты или, наоборот, нападения? Очень странный выбор. Старый пистолет – есть старый пистолет, откажет в любую минуту.

Отчет эксперта по идентификации найденного порошка ошеломил Алекса окончательно. Порошком из восьмого номера действительно оказалось золото, но не это было самое удивительное. Это было золото высочайшей пробы! То, что называется «четыре девятки» – проба 999,9.

Смолев знал, что золото высшей чистоты хранится исключительно в слитках в банковских хранилищах. Но обнаружить его в качестве порошка, рассыпанного по полу в восьмом номере, который обстановкой больше напоминал нищую лачугу, он никак не ожидал.

Смолев попросил эксперта еще раз перепроверить данные. Результат повторной экспертизы полностью подтвердил первоначальный вывод. Червонное золото, как ни крути.

– Ну что ж, инспектор, – обратился Алекс к Теодоросу Антонидису, стоявшему рядом с экспертом с не менее озадаченным видом. – Если ошибка исключена, то дело представляется мне крайне интересным. Мне кажется, настало время побеседовать с пострадавшим. Есть ли вести из госпиталя?

– Да, мне только что отзвонился лечащий врач, – с готовностью подтвердил полицейский. – Операция прошла успешно, больной уже пришел в себя. Врач пообещал дать нам воз-

можно переговорить с ним несколько минут в интересах следствия, дольше – никак, он еще слаб. Мы можем отправляться немедленно, машина ждет!

– В таком случае, в путь, инспектор!

Не мешкая более, оба сыщика покинули здание полицейского участка.

Часть третья

- Что вы думаете об этом деле, Ватсон?
- Запутанная история!
- Как это верно, Ватсон!

Из известного кинофильма.

Видавший виды полицейский «Фольксваген-Поло» уже через несколько минут резко остановился, скрипнув тормозами, у стеклянных дверей двухэтажного бетонного здания госпиталя Наксоса.

Выходя из машины, Алекс обратил внимание на тенистый зеленый парк, в прохладе которого гуляли многочисленные мамы с радостно снующими детишками, и на белую церковь в классическом греческом стиле, с узкой невысокой колокольней.

Интересный у меня получается отпуск, с досадой подумал он. Но ничего не попишешь.

От короткой поездки по лабиринтам улиц, когда автомобиль то и дело натужно разогнался, брэнча разбитой подвеской, и резко тормозил, пугая клаксоном многочисленных местных котов, Алекса слегка мутило.

С такой ездой, подумал он, тормозные колодки менять придется через месяц. А водителя я бы поменял в первый же день. Он отдышался и последовал за инспектором, который успел опередить его всего на десять метров.

– Алекс! – знакомый голос окликнул его, когда он уже взбегал по ступенькам к стеклянным дверям госпиталя. Обернувшись, он заметил Димитроса и Марию, спешащих к нему через дорогу. Очевидно, они шли пешком через парк.

Не исключено, что так еще и быстрее, и удобнее, подумал он. Прохлада, свежий воздух. Посижу в теничке, все спокойно обдумаю. Решено! Обратно пойду пешком, определился он. Пусть Антонидис наслаждается своим «шумахером» в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.